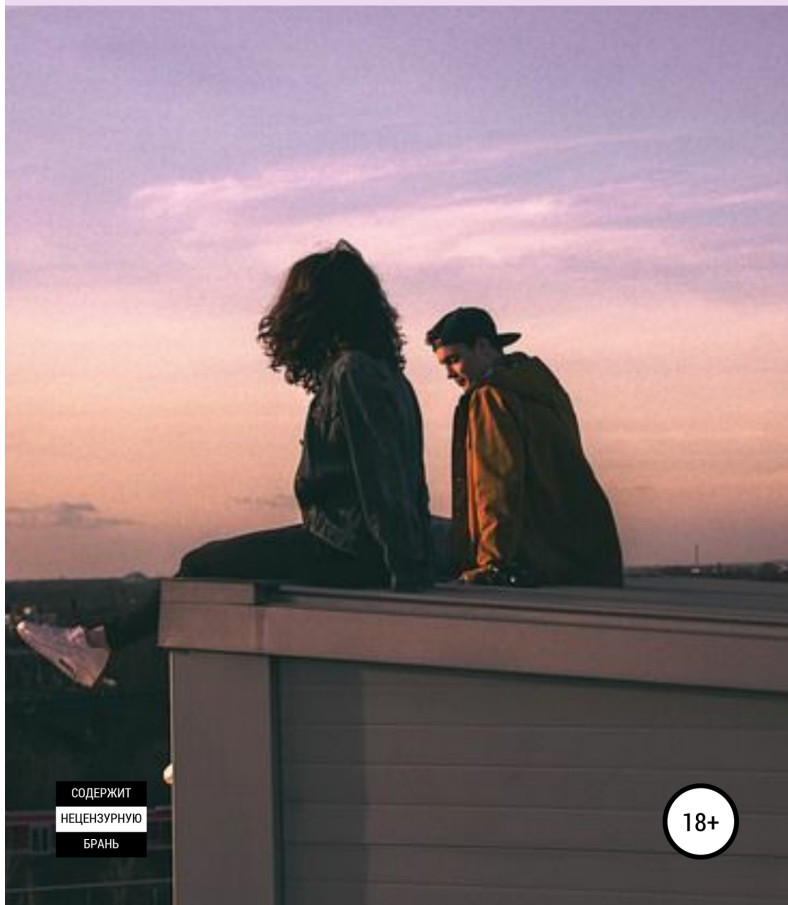


Александр Федоров

Что-то там про подростков



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Александрович Федоров

Что-то там про подростков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43713456

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07893-2

Аннотация

Что будет, если смешать обычную историю о подростках с необычным автором, постоянно недовольным тем, как протекает эта самая история? Ответ прост: будет настоящий трэш, с которым и придется столкнуться главному герою книги – молодому блогеру, мечтающему о карьере режиссера. Который, вместо режиссуры фильмов, вынужден стать режиссером подставных снафф-видео. Внимание! Содержит сцены насилия! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог:	4
Глава: 1.1	6
1.2	15
Глава: 2.1	22
2.2	34
Глава: 3.1	40
3.2	49
Глава: 4.1	53
4.2	62
Глава: 5.1	69
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог:

Это пролог. Точнее, здесь должен быть пролог.

Я пишу пролог. Типа, мама, смотри, у меня всё под контролем.

Сюда обычно вставляют очень умные мысли. Должно быть что-то фатально крутое. Чтобы твой статус в социальных сетях порвался от размера этой крутости. Но у меня на уме нет ничего такого. Потому что я не принимаю сути этих интригующих прелюдий. У меня просто нет времени, чтобы тратить силы на смазливый пролог. Начал только потому, что мне так сказали. Посоветовали написать что-нибудь перед историей. Чтобы вход в данный рассказ не показался тебе слишком резким. У нас читатель искушенный. Не любит, когда его всовывают в незнакомую атмосферу и слёту начинают повествование. Поэтому читай это дерьмо, пока я не решу, что на тебе достаточно маринада, чтобы вступить в жизнь.

Хорошо, есть у меня парочка вступительных манёвров.

Представь себе комнату для допроса. Типичное русское помещение, где есть стол, несколько стульев, зеркало, и очень зауженный набор людей. В нашем случае их двое. Один сидит, другой допрашивает.

Если тебе важна внешность, то сидящий выглядит как подросток. Количество лет колеблется в диапазоне от сем-

надцати до двадцати. Причёска по моде. Одежда – немного делового стиля, перемешанного с молодёжным течением. А второй... Он просто мент.

Взглянем на их разговор:

– Сколько вы заработали за всё время существования проекта?

– Пару миллионов.

– Что произошло в торговом центре? Как так вышло, что съёмки превратились в кровавую бойню?

– Давайте я расскажу всё по порядку...

...

...

...

...

...

...

У меня закончились идеи. Больше я тебе сообщить не могу. Так что мы просто ждём. Долго ещё ждать? Самому уже надоело. Ладно. Хватит. Давай уже начинать. Надеюсь, все, кому нужен был пролог, теперь останутся довольны.

По местам.

Работаем.

Глава: 1.1

Мы в школьном вестибюле.

Кристина обнимает Дашу. Даша обнимает Кристину. Они делают вид, что целуют друг друга. Меня противит существование бутафорских способов коммуникации, поэтому все мои поцелуи подлинны.

В тридцати метрах от нас мой друг.

Марти.

Идея провокационно-патетического мизантроп-шоу появляется благодаря частности повадок этого существа.

Два года назад мы с ним находимся на прогулке. Заворачивая во двор, натываемся на машину, что перегораживает подход к подъездной двери. Через десять секунд начинается стандартная процедура. Через минуту на крыле вмятина, фара отслужила своё, камера проколота, отпечаток модного обувного бренда на двери, волнистые неровности в покраске растянуты по капоту. Сердце Марти на пределе, отдышка налицо. Одна из штанин узких джинс задрана до краешка носка. Потребность в выслушивании матов у местных жителей удовлетворена на год.

Встретив в пятом классе нового русского, я даже не подозревал, что может принести знакомство с искусственным иностранцем. В итоге оно приносит непрекращающиеся сцены избиения прохожих и разрушение неуместных предметов

обстановки.

Бесплатно.

Но в последующем – за деньги.

Через пару месяцев после насилия над автомобилем мне приходит озарение. Я принимаю негодование своего друга как основу собственных идеалов – прошу у отца денег на камеру и грубо заявляю о себе на весь мир. Мир меня не принимает, а люди в комментариях, негодуя от правды, в ответ вываливают всю свою взаимность.

Сейчас, на входе в кабинет, ладонь Марти не в силах противостоять желанию погладить мою голову.

Погладить грубо.

Чтобы не стать его очередной грушей, необходимо срочно сделать что-то сопоставимое по тяжести. Подобное даст плюс сто к уважению на срок от одного до двух месяцев.

Я боюсь его. Мне страшно, что однажды, дав слабину, он просто зарует меня заживо. Или наоборот – уничтожит из-за ответных мер.

Настолько трусливо. Куда уж честнее.

Если те несостоятельные ребята, над которыми он издевается каждый день, могут практически не волноваться об этом, то в случае со мной всё куда мудрёнее. Я не один из них, я – его лучший друг. Разочаровываться в лучшем друге всегда неприятно. Но если ты не подтверждаешь ожиданий Марти, то к неприязни добавится ещё пара ушибов. Не то чтобы смертельных, но из города уехать стимул есть.

С другой же стороны, человек его склада готов умереть за уважаемого друга, что даёт ещё плюс сто к защите от любых неправомерных действий вселенной в мою сторону.

По расписанию идёт вторая половина первого урока.

Преподаватель кричит от того, что кому-то не по зубам наука, на которую она потратила половину жизни. Классный журнал разбивается о стол. На задних партах воцаряется фантасмагоричная тишина.

«Вчера была туса – было жёстко. Свет был тусклым, соски в броском. Полосы узкими, экран был плоским. Канал не русским, на нём видосы.» – Я говорю Марти, что этой песне идёт уже третий год. Поэтому он злобно врывает наушник из моего уха.

«I still wish you the best of luck, baby. And don't go thinking that this was a waste of time. I couldn't forget you if I tried». – Он говорит, что это какое-то жесткое дерьмо и советует перестать слушать подобное, иначе я могу ненароком призвать сатану.

Меня вызывают исправить ситуацию. Стерев с доски всё, я полагаю, что положение стабилизировано, но учитель требует продолжать. Приходится заимствовать ближайший учебник у двух подружек с первой парты.

Подмигиваю той, что красивее, ради банального позёрства.

На самом деле эта любительница форсить своё мнение наиболее видная красавица школы.

Она улыбается в ответ, и теперь мой день сделан. Я всё ещё на вершине пищеварительной цепи заведения, что статусом чуть выше детского сада.

Её отвратная подруга – два метра высотой, кирпичное лицо, характер: «у меня семнадцать лет не было члена» – думает иначе. Не то чтобы я против того, чтобы удовлетворить её потребность в фаллических предметах, но я против.

Наношу пример на доску. Прибавляю к результату уровень своих знаний. В конце записываю ответ. Жду приговора.

– Хорошо, садись, пять.

Провожу урок унижения злобных тёток:

– Хорошо – это не пять, а четыре.

К счастью, я являюсь любимчиком большинства учительского состава, поэтому пятёрка не превращается в четвёрку только из-за подобного благословения.

Отдельваюсь заурядным:

– Поумничай ещё тут!

Стоя у гаражей, пытаюсь поддерживать разговор с тройкой альфа-гопников. Исполняю подобное только ради своего друга, которому просто необходимо курить через каждые 45 минут. Ситуация повторяется изо дня в день, поэтому гопники стали мне как родные, а их жизнь я могу продать на какой-нибудь канал, чтобы там состряпали сюжет про то, как нужно правильно ухаживать за ребёнком, чтобы он не превратился в моего собеседника.

Вова, например, окончил школу год назад, а на финальный экзамен по географии его будил учитель, пришедший к нему домой, заставший его с бодуна.

Сейчас он на первом курсе техникума, так как не дотянул до ВУЗа. В свободное время пишет клубную музыку.

Не то чтобы мне интересно, но так было только в начале, а теперь действительно интересно.

Вова у них главный и самый низкий. Он не блещет спортивным телосложением, зато в данный момент он блещет тем, что совсем недавно научился делать «вертуху», а затем и самой «вертухой». В момент исполнения трюка он чуть не задевает семикласника, что стоит в общей куче курящих, а потом говорит на полном серьёзе:

– Бля, ну ты чё тут встал-то. Места что ли мало? Свалил быстро!

Паренёк явно осведомлён в паханстве Вовы на районе, поэтому через десять секунд половина курящих лениво утекает через широкий проход между двумя гаражами.

К концу третьего урока нужно провести трапезу.

Комната для приёма пищи просторна. 30 квадратных столов на 4 места каждый. Мы сдвигаем четыре таких в один ряд. Тут три четверти нашего небольшого класса. А также пара подруг Киры из параллели. Той самой Киры, у которой я совсем недавно арендую учебник.

Наиболее ярчайшие примеры присутствующих: не самые умные и красивые парни нашего класса, но зато самые тол-

стые и сильные, Марти, мой второй друг по званию «Толстый», потому что худой, у которого происходит съёмка, моя девушка Даша, сестра, вытирающая рот салфеткой одноразовому мальчику. Плюс ещё какие-то статисты.

Вокруг невероятный шум. В очереди к раздаче давка, поражающая воображение.

Сидя рядом с очередной игрушкой Кристины, пока та отвернулась, я говорю ему:

– Она тебя бросит.

Настаиваю на том, что ему нельзя потерять честь:

– Ты с треском провалишься, когда станешь очередным лохом, который не продержался с ней и пары недель. Твоей репутации конец.

На что он, по своей нерасторопности, выдаёт наиболее точные обозначения моей сестры, расходуемые среди районных сплетников. Парень, которого я вижу впервые, сообщает, что вообще не из этой школы, а моя любимая сестрёнка носит почётное звание районной давалки.

Моя любовь к Кристине безгранична. В конце концов, мы двойняшки. Но порой она ведёт себя как шлюха.

Всегда.

Почти каждый вечер, начиная с пятнадцати лет, меня регулярно заносит в её комнату. Развалившись на кровати, будто какой-то быдло-ухажёр, ожидающий феерического завершения свидания, в очередной раз я задаю ей один и тот же вопрос:

– Какие новости на сегодня?

Её список жалоб дебютирует с того, что на сегодняшний день существует серьёзная потребность в чулках, ведь невероятно бесит, когда приходится постоянно снимать колготки при каждом походе в туалет. Продолжение и вовсе заставляет меня дремать.

Не то чтобы мне нечем заняться, просто я слишком вежлив в последнее время. Поэтому трачу целые часы, чтобы ублажить ненасытную коммуникативность любимой сестрёнки.

А уже на следующий день, сидя в маленькой кухне съёмной трёхкомнатной квартирке, я наблюдаю скандал, который отчётливо свидетельствует материнский протест против естественного развития человеческих удобств собственной дочери.

И нет, эти чулки вовсе не для того, чтобы засветить ими под короткой юбочкой, пытаюсь поймать очередного – напомниме, какой там по счёту, – кажется, десятого за месяц спонсора.

После родительского развода в нашей семье не принято жить дружно. Поэтому я, устав от ругани, с пятнадцати лет твёрдо стараюсь избегать всех этих стандартов – постоянно ссорящихся брата с сестрой. Никогда не перечу матери. А также исполняю все данные им обещания. Проще говоря: создаю особую зону разрядки между остальными элементами семьи.

Но не всё так идеально.

Просто порой невыносимо ежедневно находиться в компании двух женщин. Поэтому, через пару удачных выпусков моего проекта, я иду к своему другу и говорю, что его квартира наиболее приемлема для создания студии. Точнее, его комната. И нет, это вовсе не потому, что меня просто задрали ежедневные пререкания сестры и мамы о том, что фиалка на подоконнике выглядит куда лучше, чем примула. Что сериал с канала «Русский роман» намного предпочтительнее твоих «Каникул в Мексике». И что борода у противоположного пола на самом деле красит его, а не: «мужчина должен быть гладко выбрит».

Новый парень Кристины улыбчиво завершает свою речь:
– Можешь не париться за меня.

С его позволения перестаю волноваться за него и начинаю беспокоиться за сестру. Встав из-за стола, хватаю его сзади и с грохотом валяю на спину, вместе с табуреткой. Проблема в том, что всё наслаждение должно прерваться вступлением Марти в происходящее. Он тут же пару раз топчется по столу и оказывается на моей стороне. Полсекунды у него уходит на то, чтобы запрыгнуть на лежачего и начать молотить кулаками по лицу.

Появляется ещё больше проблем, когда я вспоминаю о камерах видеонаблюдения.

Отстранившись от избиения, прикидываю шансы директора понять, простить и отпустить нас с богом. Понимаю, что

отпустят нас только вон из школы. Пытаюсь оттащить Марти, чтобы увеличить свои шансы остаться.

Слишком эгоцентрично.

Перестаю отгаскивать Марти и просто бью его по лицу.

Он изумлён. Он возмущён. Он в ярости.

Парень под ним сегодня останется жив.

1.2

У меня тут проблема. Пессимизм или что-то вроде того. Кому расскажешь – все поверят. Трудности на работе, бросила девушка, крупные неудачи в любых начинаниях – всё совсем не так. Нет работы. Нет девушки. Нет начинаний. Это секрет успеха. Возможность уйти от повседневной жизни и создать идеальный мир.

Кто я? Что я тут делаю? К чему мы идём? Для начала спроси об этом себя.

Наша с тобой общая проблема в том, что я автор. И я обленился уже в самом начале истории. Именно поэтому мы сейчас ведём скучный диалог, в котором ты имеешь пассивную роль молчуна. Я не буду извиняться. Тебе захотелось начать. Не хочешь – закончи. Кто тебя заставляет читать? Интерес губит людей. Не всех, но многих.

Постараюсь не отвлекать тебя слишком долго. Ты куда-то спешишь? Прости, кажется, это зарыто где-то глубоко внутри меня. Эти обвинения. Ненависть к людям. Слушай, просто расслабься. Давай поговорим. Будешь моим барменом? Выслушаешь меня? Не важно. Пока ты думаешь, что ответить, я постараюсь немного продвинуть сюжет.

Девочка по имени Кира недавно начала вести свой блог. В котором данная особа решила распространять никому не интересные, кроме малолетних дурочек, новости. По типу:

меня бросил парень, меня поднял парень, меня положил парень, меня поцеловал парень, парень и я, парень и яблоко, я и банан. Ну, и всё в таком духе. Это очень самоуверенная дама, которая верит, якобы писовня про симпатию к ГГ может прийти кому-то по душе. Всё прямо как у нас с тобой. Ты читаешь ерунду, а я пишу ерунду. Кому это нужно? Видимо, только нам.

Если что, ГГ расшифровывается как «главный герой». Если кто тут не знает.

Сейчас тебе придется иметь дело с Кирой один на один. Только почитай, что за чушь она проповедует. А я пока что заварю кофе.

— ...Любая девушка мечтает быть кем-то обожжаемой. И хоть я чересчур самоуверенно считаю себя не любой, но тоже очень хочу найти мальчика, с которым получится почувствовать себя слабой и полностью зависимой от него. Не подумайте дурного, и не воспримите слово «зависимость» как то, что он должен заставлять делать меня всё, что ему только заблагорассудится; нет, правильно, это когда так – чтобы своим поведением, своими мужскими поступками он лишил меня другого выбора. И, говоря об этом, я подразумеваю его любовь, ласку, подарки, что он будет мне дарить (куда же без них), ну уж точно не какие-то насильственные способы принуждения. Боже мой, как о таком вообще можно подумать?

Но, на самом деле, я не такая – не такая глупая и на-

ивная. Конечно же, я прекрасно понимаю, что сложно добиться внимания достойного молодого человека, потому как все они либо заняты, либо сами пытаются «бегать» за какой-нибудь шлюховатой особой, что, к слову, перестанет делать их достойными (какая же ирония). Знаете, у меня есть весь обязательный набор уважающей себя леди: милая внешность, фигура, получающая всю необходимую заботу, большой ум. Но как же так выходит, что всегда вокруг выются одни дураки, неспособные понять, в чём действительно нуждается девушка? И если это вдруг читает парень, то даже не думай о том, что женщин сложно понять. А ну цыц! Этот глупый предлог придумали неизвестно какие умники, чтобы просто забелить свою несостоятельность в отношениях с противоположным полом.

В общем, что-то я отвлеклась от своей основной идеи. Если позволите, я продолжу размышлять о мальчиках чуть позже, а сейчас охота тянет меня рассказывать о своих чувствах, переживаниях, радостях и разочарованиях. Ведь столько всего накопилось, а я здесь, как раз, чтобы вывалить всё наружу. Я не собираюсь доставать вас глупыми глупостями, а лишь хочу поделиться. И не важно – с кем. Главное, чтобы этот кто-то просто был.

К чему я вообще начала с такой темы как любовь, абсолютно позабыв про все манеры, наплевав на то, что для начала, обычно, нужно представиться? Просто, кажется, я влюбилась. По-настоящему. Словно раньше такого и не

было. Кажется, ни о чём другом я не могу и думать. Даже не знаю, можно ли назвать это любовью, но никакие другие чувства раньше не кололи так сильно.

Я прекрасно понимаю, что в безуспешности ощущение этих эмоций протянет не больше полугода, так как через три месяца заканчивается наша радостная школьная жизнь и начинается серьёзная взрослая, в которой уже не останется места для девичьих грёз. Но эти три месяца мне охота прожить, как самые последние в своей жизни. Как бы наивно или (я знаю, вы хотите использовать такое определение) по-бабски это ни звучало, но я не верю в будущее, не оглядываюсь в прошлое, я остаюсь здесь и сейчас, чтобы насладиться тем, что даёт мне жизнь в данный момент.

Кто-то явно не в курсе, как делаются интересные блоги. Как говорить: меньше соплей – больше идей.

Что в итоге можно сказать. То, что с момента написания предыдущей строки я потратил два часа на слушание музыки и страдание по былым временам. А на место потраченного времени воткнул отрывок из старого варианта, чтобы особо не запариваться и не терять драгоценные, утраченные в пустую, минуты. Что я хотел сделать? Познакомить читателя с одним из героев. Приступим.

Краткая справка: Канолова Кира Анатольевна.

Дата рождения – 17 лет.

Рост – 175.

Вес – 51.

Род деятельности: школьница (11-й класс).

Живёт с родителями. По собственным заявлениям: восторгается своим именем, считает его крайне нежным и красивым, что в полной мере отражает основоположные черты её характера. Несмотря на то, что все якобы считают её ужасно ответственной, иногда ей кажется, что она слишком ветреная. Но есть и другая сторона – когда она бездумно начинает вести себя как глупенькая, нахальная дурочка: пытается шутить облезлые шутки, и чаще всего они пошлые.

Цитата:

«Естественно, парни просто обожают послушать подобный капец и с радостью наблюдают за раскрепощённой барышней, которая каким-то невероятным образом умудряется совмещать в себе серьёзность и легкомыслие. Сама я, если честно, просто вздрагиваю, когда вспоминаю подобное своё поведение. Брр! Но при этом ничто не останавливает меня повторять этот, как я выразилась, капец каждый новый день, час, и даже минуту»

Место проживания: окраина обычного российского города-миллионера.

Родители: Отец – владелец продуктового магазина, «который с радостью навещает вся молодёжь прошлого века. Люди скучают по чему-нибудь родному, чему-то близкому, и даже слово «уютному» можно использовать в текущем контексте. Поэтому небольшой продуктовый магазинчик, ежедневно заботящийся о свежести своих продуктов, становит-

сы роднее алчной «Пятёрочки», «Сибириады», «Марии-РА» и всех остальных сетей, которых абсолютно не волнует мнение покупателей, на полках которых месяцами разлагаются просроченные каши для детей, молочные продукты, да и куча всего остального».

Мать – домохозяйка. Это всё. Про мать она даже и не вспомнила. Самому аж стыдно стало – как так можно, взять и забыть про маму.

Цель написания блога: глядя на дурной пример, девочка заражается им. Она поверила, будто каждый, кто начинает заниматься подобной ерундой, через какое-то время становится известным. Аккуратно, ещё одна цитата: «Раньше всё было не так, раньше нужно было прилагать колоссальные усилия, навыки, затем трудом добиваться их развития, чтобы стать одним из немногих узнаваемых на улицах избранных. Сейчас же достаточно иметь нахальство, камеру, компьютер и вот, всё, известность уже бежит за тобой сломя голову.

С одной стороны, ничего хорошего в этом нет: многие из примеров для подражания перестают стараться после того, как их навещает успех. А в противовес старательности, которая помогла им добиться успеха, они предпочитают подавать пример халатности и безответственности, да ещё и жадности! Но с другой же стороны, мне думается, что чем больше людей выходит на просторы интернета со своей личной жизнью, тем сплочённее становится человечество. Каждый из нас имеет возможность поделиться своими переживания-

ми, и каждый может быть услышанным. Вы меня слышите? Нет? Надеюсь, это ненадолго».

В заключении хочется отметить, что она не то что бы вела про желание быть услышанной, но мы-то прекрасно понимаем, что известность – вот главная цель любой девушки. Быть обожаемой и любимой. Им всегда этого мало. Им мало даже когда весь мир дрожит на них. Они всё равно плачут о своей ущербности, которой нет и о своей внешней неразвитости, когда, как правило, сиянием их красоты можно выжечь сетчатку глаза.

Глава: 2.1

Унижение первое.

Сидя в закутке второго этажа, где обычно проходит дежурство, одна дверь ведёт в кабинет химии, другая – в кабинет директора, третья – на лестницу, четвёртая – в коридор. Прямо напротив – вход в столовую.

Смотрю на лампу, что висит под потолком. Прикидываю шансы повеситься на ней. Проникаюсь осознанием совершенной бессмысленности задумки. Думаю, что, когда она оторвется, будет много грохоту, за что меня вздёрнуть ещё сильнее.

Мама сейчас в кабинете директора. Сегодня она надела свои парадные брюки со стрелками. Не то чтобы она часто их надевает – только на похороны.

Никогда раньше не задерживался в школе так долго. На лестничном проходе перила таят от солнечного света.

К этому времени я уже должен быть в пучине веселья.

К этому времени мать должна быть на работе.

Сегодня всё наперекосяк.

Я совсем не жалею о происходящем. Ведь в случае чего, во сне мне предложили помощь. Интересовались уровнем довольства. Спрашивали: где та грань, за которой начинается нытьё.

Если что, заявили мне, сообщи, я помогу. Когда станет

совсем скучно.

Но меня всё устраивает.

Кроме одного.

Остаётся чуть больше месяца до экзаменов.

Сейчас самое время, чтобы вылететь из школы.

На самом деле нет. Слишком мало аргументов в пользу отчисления. Оправдание есть. Оно донесено до нужных ушей. Думаю, шансы выйти сухим из воды – сто процентов. Просто тут нет воды.

Сарказм – лекарство на все случаи жизни.

Не на все.

Дело обойдётся куда проще, чем может показаться. Но не легче.

Сейчас она выйдет, и мы молча прошагаем до выхода. Снаружи она посоветует изучить словарь на наличие понятия «безответственность». Все аргументы разобьются о стену родительского непонимания, хотя я только пытался защитить честь сестры. Дома сестрёнка пошлёт меня на занятия группового секса с мужчинами. Отец по телефону скажет, что не того он от меня ожидал. И всё это при условии, если меня не убьёт Марти по пути от школы до дома.

Мне срочно нужен тот, кто скажет, что делать добро – это хорошо. Самое безотлагательное дело на данный момент – уничтожить одного из таких ублюдков.

На телефон приходит сообщение от Киры.

Кира – идеальный для этого вариант.

Не знаю почему, но мне ужасно хочется вмазать ей за её правильность. За безосновательную веру в лучшее. За её постоянную улыбку.

Хотя...

Нет, улыбка у неё чудесная.

Но за всё остальное непременно нужно!

С другой стороны, будь она рядом, возможно могла бы даже помочь сейчас. Заболтала бы своими глупостями про добро, счастье, ванильные облака. А потом спросила бы, сколько раз мы переспали с Дашей.

Чисто ради интереса.

Чёрт, это в её стиле.

Не то чтобы я влюбился, но нельзя слишком много думать о посторонней девушке, когда у тебя есть собственная.

В связи с тем, что Кира у нас в классе самая ответственная, её очень волнует жизнь нашего коллектива. Поэтому сейчас она заваливает меня тоннами вопросов на мобильный.

Нет, это вовсе не потому, что мы с ней очень славно общаемся. Не потому, что наши компании довольно часто соприкасаются в своей аналогичности. И уж точно не потому, что наши компании – это одна единая большая компания с маленькими подкомпаниями.

Просто её очень волнует жизнь класса.

И мы совсем не друзья.

Отвечаю в её стиле: убеждаю, что всё у меня будет хоро-

шо. С каждым сообщением она прибавляет в волнении. Пытается веселить глупой лестью – «кто же будет защищать меня, если ты уйдёшь...».

Наконец о себе даёт знать Даша – любовь моя.

Избранница.

Не то чтобы я имел какой-то выбор, чтобы называть её избранницей, но зато я имел её: бюст – 92, талия – 63, бедра – 92. Рост – 176-177. Всё на столько неправдоподобно, что я восторгаюсь этим каждый раз, когда встречаюсь с ней снова.

Нос прямой, снизу чуть подогнута перегородка; ноздри расширены. Глаза сужены в обе стороны. Улыбка заурядного аниме производства. Волосы русые, волнаться к краям, длинна колеблется от груди до таза. Кожный покров лица в меру нежен, при касании ощущение, будто пудра – есть мнение, что это на самом деле пудра. Ноги длинные, почти идеально стройные. Пальцы рук не забиты жиром. Волосы на теле удаляются раз в две недели.

Заказываю булочку в столовой, работница говорит, что они закрыты. Не то чтобы я тупой, но, обычно, закрыты, это когда двери не нараспашку.

После выхода матери из кабинета, всё происходит так, как я загадываю за пару минут до этого. За исключением отца, который поощряет бескорыстное стремление защитить честь семьи.

Дома мать жалеет дочь за то, что той якобы ужасно досталось, а её любимого сейчас обхаживают толстые медсёстры в

заведении, где последние года три не удосуживались провести косметические реформы интерьера.

Всем как бы плевать на то, что моя сестра теперь шлюха.

Семье. Маме, папе, бабушке, дедушке, другой бабушке, другому дедушке. Родственникам – просто те не особо лезут в наши дела, поэтому ничего не знают.

Да и бабушки с дедушками ни черта ещё не знают.

Но всё равно всем безразлично.

Незнание проблемы не освобождает от наказания за безучастность.

То есть, раньше всё было как в комедии. Я шутил по этому поводу, но никогда не придерживал злого умысла в своих шутках. А сейчас всё взаправду. Теперь не только я называю её так, нынче все мы отлично осведомлены в солидарности района. Только район действует на полном серьёзе в отличие от моих дурацких шуточек.

Унижение второе.

Марти бьёт меня по печени, почке, хребту, ногой в живот, ногой в лежачего. Я думаю: «слава богу, лицо не задел». Дополняю думы: «хорошо, значит завтра можно будет снять очередной эпизод».

Это не тот момент, когда нужно дать ответ. Я балансирую на тонкой грани добра – единогласия со школьными «отбросами» – и зла – дружбы с Марти. Поэтому, теряя равновесие, заваливаясь на одну из сторон, всегда получаю сопутствующий провалу результат. Ситуация самая что ни на есть при-

вычная. Кроме, разве что, того, что Марти впервые меня избивает.

Спустя бесконечные полминуты он проявляет заботу и протягивает руку.

Он информирует:

– Мы в расчёте.

Я бы так не сказал, поэтому я так не говорю.

Трава на школьном поле спасает от серьёзной грязи. Руки помогают доделать уборку на штанах. Зауженные чинос цвета слоновой кости не так хорошо маскируют песчаные пятна, как хотелось бы на самом деле.

Хватит унижений на сегодня.

Вечером гуляем по аллее. Нас тут не меньше пятнадцати. У меня не хватает сил, чтобы провести более точный подсчёт.

Главная тема этой сумеречной прогулки – драка.

Не то чтобы я хвастун, но бахвальство так и прёт из меня.

Говорю, что своих родных в обиду не дам. Жалуюсь на их неблагодарность. Упоминаю о верной оценке отца. Целую пристающую ко мне Дашу. Марти пытается устроить спарринг с кем удастся. Толстый спрашивает о готовности сценария.

– Всё почти готово.

Ничего не готово.

Немного недовольства изливается в ответ:

– Не забудь, пожалуйста!

Дело такое. Однажды случается, что я чувствую себя одиноким, разбитым, использованным. Это происходит примерно чуть меньше пары лет назад. В бесконечной неисчерпаемости постоянных кликов по пабликам немаловажной социальной сети довожу до своего сведения информацию о возможности вступить в анонимный контакт с человеком.

Ни имён

Ни лиц.

Ничего.

После смерти сотни тысяч нейронов нахожу собеседника, способного идти на взаимопонимание. Веду себя вежливо, советую второму участнику переговоров отвечать более развёрнуто. Через десять минут завязывается спор. Не я давит вопросами, я защищаюсь аргументами. Через тридцать — мне оглашается вердикт: «ты не привёл ни одного аргумента». Пытаюсь напомнить о том, что их было множество. Заостряю внимание на факте, гласящем, что именно второе лицо диалога ничем не подтвердило свою правоту, постоянно засоряя экран вопросами.

Несмотря на то, что человек с противоположной стороны монитора невероятно бесит, начинаю сбавлять напор, признавая некоторые свои ошибки. Вердикт номер два: «но ведь ты и вправду не привёл ни одного аргумента».

Предлагаю завершить спор. Предложение уходит во вселенское никуда. Во рту начинает формироваться пена, стул нагревается от возмущённости.

Наплевав на то, что собеседник продолжает пороть своё мнение, сообщаю о положительном отношении к произошедшему опыту общения. Доброжелательно предлагаю завершить на том.

Ему всё ещё плевать.

Я, как бы, учусь быть вежливым, чтобы люди учились у меня. Чтобы, в конце концов, все мы стали вежливыми.

В итоге, выплюнув всё, что нужно, оно советует почитать правильных книжек, и отключается, не дав нормально попрощаться.

Так я окончательно решаю ввязаться в жёсткую игру ненавистного мне соперничества. На просторах интернета.

Купив камеру, я говорю людям, что они тупые. Основываясь на той самой переписке, стараюсь донести до них, что не помешало бы стереть своё самомнение в порошок, если ты безмозглый школьник.

Зрители не рады заявленному.

Но куда сильнее смотрящих задевает очернение старшего поколения.

При записи, из моих уст выходят такие невежества:

– Если это дряхлое существо ничем не лучше меня, то какое право оно имеет на поучения?

Вспоминая своего деда, отдавая ему должное за труд на благо своей семьи, страны, человечества, я отнюдь не разделяю ту позицию, которой он придерживался во время воспитания меня и моего отца. Не отрицая собственных наглости

и вины, обвиняю именно его за подобное моё отношение к старикам и людям вообще.

Вопрос, должен ли маленький ребёнок извиняться за свои слёзы перед взрослым, который эти слёзы и вызвал же собственной мерзостью, невоспитанностью и прочей гнилью, мучает меня до той поры, пока я не начинаю выдавать белое за белое, обливая грязью всех тварей, что заслуженно поимели на это право.

Таким образом, в первый год пребывания на просторах видеохостингов я ищу повод, чтобы в очередной раз запятнать чистоту любого из поколений. При этом вся критика строится на консервативности каждого отдельно взятого возрастного слоя. Если в Советском Союзе не было пошлости, осуждаю пошлость того, кто в нём жил. Тогда как своих современников обвинить в подобном не считаю честным.

Сперва людям это не нравится, затем они прикидываются, будто речь не о них. Чуть позже – уже смеются над самими собой, думая, словно говорится о ком-то другом.

На протяжении года мы, я с Толстым, не делаем чего-то великого. Не изобретаем свою идею. Даже не даём критику, и не показываем настоящее мнение народа. Мы просто пытаемся напомнить о своём существовании за счёт всем известного геморроя.

При возможности, чтобы не нарваться на злобную очевидность, стараюсь раз в два выпуска напоминать людям о том, что я бездарность, а всё моё шоу полнейший вздор. Треть

думает, будто я шучу. Оставшаяся часть смотрит именно по причине необоснованности существования проекта.

Однажды, сидя на лавочке всё той же аллеи, говорю Толстому:

– Люди не хотят учиться. Они не планируют слушать что-то нудно-заумное. Им не нужны советы – вместо этого они ищут побольше сопливых цитат из каких-нибудь умных книг, чтобы потом просто залепить их в статусе вместе с указанием имени автора.

Смотрите, я, типа, прочёл что-то стоящее.

Нет.

Убедительно жестикулируя руками, объясняю ему:

– Мы не будем менять формат шоу. Их позиция совпадает с моей, и только поэтому мы на плаву. Им нравится верить в бред, что, если мы думаем одинаково, значит я оскверняю не их, а тех, кто им не по душе.

Подвожу итог:

– Как только мы начнём стараться, нас перестанут смотреть. Сейчас они верят в то, что, ничего не делая, как я, можно стать знаменитым. Но когда мы начнём стараться, им станет неинтересно, ведь мы обозначим простое правило: хочешь чего-то добиться, нужно трудиться.

В итоге первый год наливает мне целых восемьсот сотен подписчиков. Цифра баснословная, но всё же реальна. Происходящее позволяет выйти на уровень выше, и я начинаю – нет, не снимать тупые вызовы, резко втискивающиеся в моду

интернет-видео сообщества – задумываться о будущем.

Чуть меньше полугода назад, шагая по осеннему тротуару вместе с Толстым и Марти, стараясь умерить пыл самого дерзкого из нас, вдруг слышу шедевральною мысль Толстого:

– Если ты так любишь всех бить, то почему бы не начать зарабатывать на этом?

Он думает о боксе, да и вообще любых видах боевых искусств. Советует Марти заняться делом, способствующем выпуску пара.

Я думаю о том, чтобы выйти за рамки дозволенного.

Тут же реагирую:

– Нужно начать снимать то, как ты разрушаешь всё, что нарушает закон.

Схватив толстого за плечи, потряхивая его, сообщаю о его гениальности.

Такое временное помутнение.

В данный момент Марти на спор клеится к двум красоткам, что через лавку от нас. На них чёрные обтягивающие, короткие платья, с наименьшими потерями в идентичности. Чёрные колготки, чёрные волосы, чёрные ботильоны на одной, чёрные босоножки с каблуком на другой. А также они прихватили с собой неплохие фигуры.

Чёрные.

Шутка.

Кто-то говорит, ставка на то, что у него ничего не выйдет, доросла до отметки в тысячу сто рублей. Не то чтобы я нуж-

даюсь в деньгах, но лишними они никогда не бывают. Лишней не бывает и поддержка друга. Недовольство обществом, резонирующее в амплитуде от простых слов до психического расстройства, оно, конечно, плохо, но даже друг с таким букетом – друг.

Зная удачливость Марти в подобных делах, решаю воспользоваться своей популярностью. Хочу предложить им автограф в обмен на то, что одна из них уйдёт с моим другом на прогулку.

Подхожу к девушкам. Наблюдаю за тем, как одна из них целует неадекватного типа рядом. Осознаю ошибку. В итоге сижу на прежнем месте, пытаюсь заглушить стыд, возникший от такой самоуверенности.

2.2

Я написал трём шкурам. И все меня проигнорировали. Эдакая мотивация. Они как бы подразумевают: иди пиши свою книжонку, а не болтайся интернете. Сообщишь, когда сможешь на этом заработать. Возможно, проблема в том, что я пишу не девушкам, а шкурам. Либо проблема в девушках, которые стали шкурами.

Сегодня Кира решила перестать стремиться к славе. «Я не бросаю читателей – тех, кому это может быть интересно; но вот... у меня внезапно пропало всякое желание набрать побольше просмотров. Написала это, наверное, для себя лично, чтобы уже точно не было пути назад – когда я вдруг, не дай бог, начну звездиться, у вас будет подготовлен отличный повод пристыдить меня моими же словами». Поздновато уже. Поздно стыдить, потому что звездиться она начала с самого детского сада. Как только вокруг неё появились люди, она начала выпендриваться.

Хочу сообщить, что скоро наши ребята станут взрослыми. Выйдут из школы и вступят в глобальную жизнь. Никто не рассказывал им, что ничего не изменится. Детей всегда кормили сказками об ответственности, но вместо этого они получают только пять лет, выкинутые в мусорное ведро. Диплом для того, чтобы мама была довольна. И только потом у них будет шанс слить своё блестящее будущее. В честь этого Ки-

ра устраивает вечеринку на даче.

Из-за чего всё началось? Девочку бросил парень. Хорошо. Не будем так сильно унижать нашу королеву. Она бросила парня. Поэтому недостаток внимания всплыл крайне вовремя. Для его устранения Кире пришлось собрать кучу народу.

«Уезжая, они со всей своей родительской уверенностью полагали, что я не соскучусь со своим любимым. Никому ведь и в голову не могло прийти, что я могу расстаться с прекрасным, полюбившимся всем родственникам принцем. Моя первая, любовь, длившаяся целых три года... и вот, теперь она исчезает так неожиданно. Сколько планов настроили родители, сколько всего хорошего наговорили о нём разные родственники, да и я сама верила в чудо – ещё чуть-чуть и можно было играть свадьбу. Всё было как в сказке.

А теперь, после последней строчки милой девичьей истории, я открываю то, о чём никогда не напишут до финального поцелуя – странное чувство неизбежности произошедшего, отсутствие хотя бы малюсеньких предпосылок к ночам без сна и рыданиям в подушку. Мне просто грустно: четвёртый вечер подряд я провожу в тоске, изредка сменяя её (я бы даже сказала – скуку) на разговор с подругами в сети. Ещё немножечко опробовала себя в искусстве. Только не ругайте сильно.

*Любовь ушла – её, быть может, не было совсем,
Но я устала ждать ответа.*

*Она хозяйина достойнее нашла – так будет проще всем,
А я согреюсь в нежной ласке лета.*

В общем, всё, что я сохранила от наших отношений – только скорбь по трём годам, потраченным впустую».

Немного о любви. Раз уж изначально история глобально пошла в сторону отношений, нельзя просто закрыть глаза на эту тему. Не бойся, сказка не закончится одними соплями. У нас подготовлено много неожиданных событий. Но как же без любви в художественной сфере? Теперь придется высказаться.

Первая любовь. Знаешь, что наша героиня подразумевает под понятием первая любовь? Нет. Ни хрена не первые отношения. Она имеет в виду, что первая любовь – это когда ты встречаешься с человеком больше полугода. По сути это гениально. А ты чего хочешь? Будешь говорить, типа твоя первая любовь принесла тебе до хрена счастья. Мне она принесла только короткий отсос. Не будем распространяться, кто виноват в скоротечности этого процесса.

Хорошо, сделаем скидку на тех, кому повезло, и они протянули больше нескольких месяцев. Припомним того, кто до сих пор испытывает свои первые отношения. И успешно забудем о них всех. Потому что у нас совсем другая ситуация. Три года, имитирующие твою жизнь. Так же бесполезно выкинутые на свалку.

Почему Кира рассталась с парнем своей мечты никто не

знает. Кроме них двоих. А возможно, они и сами не в курсе. Почему так? Ты в курсе, почему твой старый знакомый потерял нормальную сексуальную ориентацию? Вот и не спрашивай про отношения Киры. Мы не обсуждаем её жизнь до данного момента. Не задеваем бесполезную информацию. Её разлука с любимым никак не продвинет сюжет. И если этих объяснений тебе мало, отвали. Я не буду ничего больше объяснять. Важно только то, что теперь она переключилась на ГГ. Чтобы восполнить утрату.

Читай блог:

«Очевидным будет предположение, что такие, похожие на влюблённость эмоции могут быть связаны с нашими хорошими дружескими отношениями. Возможно, это просто детская привязанность, начавшаяся ещё с садика, в которой теперь трудно разобраться. И очень сложно смириться с тем, что вскоре мы просто перестанем общаться из-за различия миров, с которыми каждому из нас придётся столкнуться. Поэтому единственным, на мой раздутый, эмоциональный, девичий взгляд, выходом остаётся – думать о том, чтобы стать парой.

Только не начинайте потом писать, что про расставание – это какая-то глупость. Не говорите мне, что можно спокойно продолжать общаться и после школы. Нет. Нельзя. Парень и девушка просто не могут быть друзьями. Пока мы одноклассники, одноклассники мы в силах держаться рядом, но, когда мы не связаны тоненькой ниточкой социальности, мы

никто друг для друга. Мы можем быть девушкой его хорошего друга, либо он будет парнем нашей лучшей подруги, но в остальных случаях мы уже мимолётное воспоминание друг для друга. И осознание этого меня угнетает...

Самое ужасное, что я совсем ничего не делаю, чтобы предотвратить неизбежное. Даже не так – ужасно то, что он не делает ничего. Наверняка, он даже не задумывается об этом – просто верит в глупость про дружбу после выпускного. Для них, парней, всё просто: у них словно нет никаких чувств, они отпускают их на прогулку и даже не волнуются о том, что эти чувства могут покусать кого-нибудь из-за того, что кто-то не удосужился надеть ошейник и не повёл их гулять на поводке.

Простите, если сегодня было слишком эмоционально. Очень надеюсь, что хоть кто-нибудь меня поймёт».

Как красиво льёт. Аж плакать хочется. Найти себе девочку и болтать с ней о чувствах. Только не говори, что думаешь, якобы я про ребёнка. Девочку – значит милую девушку!

Что можно написать в завершении. Вечеринка удалась. Почему, узнаешь позже. И не спорь. Мне лучше известно. Можно конечно поспорить, для кого удалась, а для кого нет. Но мы не будем этого делать. Потому что я в курсе, чем закончится история с вечеринкой. Моя проблема в том, что я знаю всё немного наперёд. Радуйся, что ты не в курсе, чем закончится твоя история. Радуйся, что не знаешь, чем закончится эта история. Это пока что. Пока что тебе везёт. Ты

просто не представляешь, как скучно жить с персонажами, судьба которых тебе известна. Пускай и не на много. А мы ещё хотим научиться заглядывать в будущее. Не идиоты ли? Я бы вздёрнулся сразу после того, как увидел бы свою судьбу. Посмотрел и хватит. Серьёзно, ради этого ведь и живём.

Глава: 3.1

Монитор перед лицом. Заурядный юмор перед глазами. Поднадоевшие сообщения фанатов в голове. Добродушные ответы на них – никогда не будут рождены.

Возможно.

Только если чуть-чуть позже.

На самом-то деле я люблю поддерживать диалог с тем, кто разделяет мою позицию. Все любят. Был бы ещё подходящий фильтр.

Программа, распределяющая всё по полочкам.

Не открывай это сообщение. Быть может, заинтересует. Так-то дело пишет. Забудь про то, что у тебя сейчас порвётся аппендикс – тут просто оригинальнейший собеседник!

Лет через пятьдесят всё так и будет. А через сто мы станем жирными уродцами, летающими в креслах, прямо как в «Валли». Чем дальше – тем ленивее. Каждый раз отсеивается что-то ненужное. Безоружную охоту сменяют копья. Память идёт в расход после создания бумажных аналогов. Легенды превращаются в книги. Написанные истории становятся видеорядом. Сходить до почтового ящика – ткните курсором в нужное место. Апогей окажется просто шедевром – ребёнок рождается мёртвым. Пожил в утробе и хватит.

Праздность высшего уровня.

Господи, инопланетяне, вселенная – только не подумайте,

что я жалуюсь.

Посиделка первая.

Мы тут с Марти. В моей комнате. Готовимся сделать нечто гадкое и возмутительное. Такое, что выходит за грань человечности – собираемся не снимать следующий эпизод моего шоу.

Помидоры летят в лицо.

Перец падает под ноги.

Огурцы желают вонзиться в незащищённые места.

Готовьте тарелку, потому что скоро мы нарежем салат.

У нас есть веская причина. Мы со стопроцентной вероятностью допускаем возможность принять приглашение на сегодняшнюю тусовку. Тем более, как мне кажется, нам удастся состряпать выпуск за следующие полдня.

Нет.

Всё из-за того, что придется потратить оставшееся время на Дашу. Отметить почти что годовщину свадьбы.

Только без единого года.

И без свадьбы.

Если честно, не снимать намереваюсь только я. Марти, со словами «забей, всё будет нормально», просто-напросто вводит меня в основы сего начинания. Сам он не имел границ в своём – нашем, вообще-то, – проекте. Когда тот ещё существовал. Ни границ периодичности выкладываемого материала, ни границ дозволенного.

То есть, на самом деле имел.

Но не имел.

Это две стороны медали. Либо ты быдло, которое запросто воспринимает насилие над границами, либо – интеллигент, способный понять, что слово «имеет» необходимо использовать только в исходном своём значении, не подразумевая похабных отступлений.

Всё те же полгода назад, когда я хватаю Толстого за плечи и выплёвываю на него два слова, которых вполне достаточно, чтобы охарактеризовать произнесённое, как самый лестный вздор за всю нашу дружбу, я тут же говорю Марти:

– Сегодня же создам тебе канал.

А потом что?

– А потом ты продолжишь заниматься своим любимым делом. Просто немножко попозируешь между... делом.

Минутка ораторства отвлекает от скудности моего словарного запаса:

– Пока «СтопХам» прославляет культурную составляющую нашей молодёжи, мы проявим настоящее мнение малолетних социопатов. Пока они сюсюкают с водителями, мы сможем обойтись без болтовни. Раз так любят поговорить – поговорим с ними сами. Но сначала арматурой расхреначим все неправильно припаркованные машины в районе.

Не в своём, конечно.

А то вычислят.

Поймают. Поважут. Денег не заработаем. Фильм не сниму...

В итоге, через неделю Марти с трудом обвязывает рот банданой. Через две он уже осваивается и производит ритуал куда быстрее. Через три не первый снег проводит разведку боем. Через три недели и два дня он исчезает. Через три недели и четыре дня появляются сугробы. Через четыре недели мы, наконец, заливаем полный бак храбрости и спешим на первое дело.

Время – 21:43. Местоположение – где-то около центрального района. Цель – «плевать на всех: паркуюсь, где хочу». Способ доставки – «скоро купим машину, а пока что только такси». Орудие правосудия – конститу... кхе-кхе, закона... а-апчхи. Кусок водопроводной трубы. Порядок правосудия – провести слушание в пор.... Расфигачить лобовое стекло тем концом, на котором остались некоторые признаки смесителя.

А затем капот.

Проколоть резину.

Никаких краж.

Добро пожаловать в проект «Разгром».

Предусмотрительный план в действии. Мы готовились к этому четыре недели, и, если что-то пойдёт не так, в этом нет нашей вины.

Моей.

Концепция исключительно моя.

Я, как бы, всегда примеряю роль мозга, Марти – роль рук, а Толстый – глаза. Не то чтобы я пересмотрел заурядных

фильмов про стереотипные мужские компании, но во время наших объективных разбирательств с автотранспортом мне кажется – и это невероятно бесит, – что мы очень похожи на ребят из «Похмелья», «13-ти друзей Оушена», «Ограбления по-итальянски», «Какие-то подростки, что поехали на праздник и встретили на нём Кармен Электру».

Мы похожи на любую компанию, состоящую из мужского пола, в мире.

В эту чарующую, немного прохладную ночь, шины автомобилей, стоящих не на том куске асфальта, лишаются права носить воздух. Затем мы пресекаем дальнейшие действия, связанные с процессом, и задумываемся, как бы быстро обработать кузова этих машин разом. Чтобы успеть сбежать, пока хозяева не отреагируют на гудки, свист и прочую какофонию, которую обычно называют сигнализацией.

Всем плевать, что сейчас какой-нибудь козёл выйдет покурить и увидит, как возле его класса «S» ошиваются три школьника, решившие отремонтировать водопровод.

Ну, конечно, у него ведь очки ночного видения.

И вот мы стоим.

Думаем. Чистим место на карте памяти, потому что кто-то не удосужился сделать это заранее. Дышим сигаретным дымом. Делаем вид, будто я режиссёр, который выбирает правильную позицию для съёмки. Пытаемся оживить мёртвое освещение.

Но по большей части просто думаем. Необходимые маши-

ны расставлены в ряд. Зачем думаем – чтобы всё предусмотреть. Сработавшая сигнализация на первой будет как свисток к стометровке или тысячеметровке или тридцатычиметровке.

И нет, дело вовсе не в моём плане. Уж точно всё не из-за того, что вместо создания продуманной последовательности действий, я сидел, побрякивая на гитаре. Показывал свою постель моей новой девушке. Оценивал её постель. Вычислял разность качества двух постелей. Потратил вечера на прогулки с кучкой друзей. Потом с другой кучкой друзей. Поучился. Подготовил вместе с Кирой песню на выпускной. Обсудил концепцию выпускного вальса вместе с классом.

Тут уж стопроцентно дело не в том, что сценарий был написан в такси, во время поездки к месту назначения.

Мысленно.

Марти учреждает вмятину на капоте первой машины, тогда как Толстый чуть не роняет камеру с перепугу.

И от неожиданности тоже.

Дальше дверь. Общая картина кузова нарушает свои привычные очертания.

Средство видеосъёмки плавно переплывает в мои руки, а мы резко меняем дислокацию, так как район начинает просыпаться от чарующих звуков автомобильной серенады. Смена позиции превращается в побег, когда зрение минус один не подводит при виде синих проблесковых маячков, запускающих дискотеку.

Принесите диджейский пульт. Нам не хватает только нормальной музыки.

Через двадцать минут мы во дворе, в котором ни разу не были. За нами погоня. За нами выслали наряд.

Наверняка.

Через двадцать минут тридцать секунд мы перестаём придаваться незабвенному отдыху, и следуем, куда глаза глядят.

По пути успеваем поссориться. Все негодуют от того, будто я, видите ли, в чём-то виноват.

Обещаю им, что за жалобы никто кроме меня не получит прибыль от просмотров. Они не верят в просмотры. Парни говорят так, но не думают – просто сейчас есть дела поважнее. Когда мечтаешь о загородном доме, но средств не хватает даже на городской, приходится жертвовать отдалёнными приоритетами, селясь в общежитии. Так и Марти с Толстым приемлют спасение от заключения, взамен на отсутствие денег, которых и так не будет, если они не избегут ареста.

Препятствуя продолжению забега, с уверенностью заявляю, что никто не будет искать нас так далеко. По крайней мере, во дворах.

Толстый почти кричит:

– Вызывай! Вызывай это долбаное такси! Быстрее!

Пытаюсь растолковать ему, что вариант не ахти какой, ведь на улицах могут кататься патрули. Вероятнее всего, они будут проверять машины.

– А если увидят такси, то тут же скрутят всех, кто на пас-

сажирском.

Не то чтобы наша полиция работает как швейцарские часы, но риск – дело совсем неоправданное. Плевать, что ещё совсем недавно мы раздолбали кучу машин. Тут совсем другая ситуация.

– Идём пешком, – говорю я.

Не проронив ни слова, Марти начинает путешествие, даже не дожидаясь нас.

Толстый предоставляет моему вниманию очередную жалобу. Ему не нравится, что идти не меньше десяти километров.

Откуда-то издалека доносится голос Марти:

– Ещё один писк, и я тебя сам отведу к мусорам.

Он как бы шутит:

– Умей принимать последствия от борьбы за правое дело.

Я как бы думаю: «шесть миллионов просмотров – такие последствия я приму».

Через пять километров мы устраиваем привал и оцениваем существующий материал.

Марти информирует нас о некоторых своих познаниях в области законодательства:

– Его могут заблокировать, наверное.

Я думаю, что это проблема.

Миновав ещё пять тысяч метров, достоинства и недостатки видео познаются у меня дома. Спустя семь минут, как мы оказываемся в моей комнате, просыпается мама и говорит

то, чего редко можно ожидать от человек её характера. Плюс три минуты, и мы унимаем ничтожное негодование существа, делившего со мной утробу матери. Когда часы на компьютере показывают 00:13, мы вчетвером являемся лучшей компанией в мире, весело проводящей время за просмотром частного видео.

Ненадолго оно частное.

3.2

Давно меня не было? Да ладно? Пару страниц назад? Как по мне, так пару дней назад. У нас с тобой разные понятия о времени.

Запарился тут над одним вопросом. Хочу поговорить с тобой. Вы, люди, слишком высокомерны. Не думай, что себя я не отношу к людям. Я тоже такой же. Но, ёп вашу мать! Кому чего не скажи в сети, все что-то гнут. Скоро пальцы сломаются. У вас там что? Олимпийские игры по гимнастике на кистях? Не знаю, может чего-то поменялось. Я не общался с людьми довольно продолжительное время. Были причины. Но, чёрт возьми, вы правда всегда были такими?

Я тот ещё ублюдок. Самодовольный тип. Ненавистник общества. Но знаешь какая у меня мечта? Нет, не написать книгу и сделать на этом состояние. Я хочу общаться с людьми. Как можно больше людей в копилку. Это ведь самое ценное, что у нас есть. Самое важное на земле. Забей на успех в карьере. Забудь обо всём физическом. Что ты станешь делать, когда всё сломается? Что ты будешь зарабатывать? Какой, на хрен, бизнес ты собираешься строить? Когда привычный мир разрушится, можешь запихать в задницу все свои сбережения. Всю свою надменность размолоти в порошок и занюхай через трубочку. У меня другие планы. Я планирую иметь кучу друзей, когда наступит писец. Я про-

сто хочу отдавать людям добро. Получать от людей добро. Не материальное, а... Извини, не знаю, что тут написать. Духовное не подходит. У меня конфликтная ситуация с некоторыми понятиями. В общем, ты понимаешь, о чём я. О – общение.

Это банальная мечта – общаться с людьми. То есть, очень простая. Что сложного в том, чтобы взять и заобщаться с кем-нибудь? На деле – много всего. Люди зациклены на себе. Как было бы прекрасно, если бы можно было подойти к человеку на улице, спросить как у него дела и не получить недоумевающий взгляд в ответ. Ты только подумай: нас семь миллиардов. А мы все увлечены тем, что пытаемся чего-то добиться. Мы самый коммуникабельный вид на земле, который забил на это хрен. Вместо того, чтобы подружиться, мы берём и воюем за чью-то инициативу. Чем больше разумности даётся виду, тем больше возможностей её потерять.

Хочу кое в чём признаться тебе. К чему я вообще это всё? Кира – меня бесят такие. Но когда-то я был влюблён в её прототип. Ничего не могу с собой поделаться. Эй, я же не ГГ, чтобы думать иначе. Прости, но у нас с ним разные взгляды на женщин.

Погоди. Мне нужно выдохнуть. Расслабиться... Фух. А теперь к сути. Сегодня писал Кире. Решил пообщаться со своим героем. С девушкой, которая сидит у меня в голове. В прямом смысле – сидит, у меня, в голове. Не образно выражаясь. Как какая-то мечта подростка... И, в общем, я напи-

сал ей. Типа, у тебя отличный блог. Продолжай дальше. Думаю, тебя ждёт успех. Ты очень клёвая. У неё там был пост про ГГ. Она вспоминала детство. Потом юность. И старость. Старостью мы называем настоящее время. Ещё она рассказала немного о себе: «Ребята в художественной школе сегодня как всегда спасли меня от печали. Да, я хожу в школу рисования уже целых три года. До этого была художественная гимнастика – с семи до тринадцати лет, – затем уроки эстрадного вокала – с двенадцати до шестнадцати, – сейчас вот изобразительное искусство. Многовато для одного человека, мне кажется. Я уже молчу про двухмесячную лепку из глины, год танцев. Даже курсы кройки и шитья. Думается мне, что всё это – явный признак того, что ребёнок обязан вырасти в сияющего привлекательностью взрослого. Ну правда... Я вот никогда не встречала человека неприятной внешности, если у него такой большой список развивающей ерунды за спиной».

В итоге она послала меня. Своего создателя. Серьёзно, девочка? Что уж тогда говорить про твоего любимого отца, если ты посылаешь того, кто создал твой мир. Долбаное лицемерие. Весь мир фальшивка. Этот мир. В котором живём мы с тобой. Даже мой мир чище. Просто потому что я могу его очистить. А с нашим уже ничего не поделаешь. Война. Ядерная зима. Это у нас список решал.

Признаю. Мы умудрились поссориться. Но сколько советов я от неё наслушался. Почему нельзя быть проще? Неко-

торых людей необходимо пропустить через мясорубку, чтобы они стали проще. Нет, вовсе не в садистских целях. Ведь так они станут добрее. А чем злиться и мешать обществу, если от тебя осталась куча мяса? Хрен поспоришь. Так-то.

Немного новостей. ГГ решил позвать Киру на одну из главных ролей своего фильма. Если ты вдруг что-то пропустил, или пропустила, то мечта ГГ – снять фильм. Стать режиссёром, если смотреть глобально. Он заработал неплохую сумму, чтобы устроить капитальные съёмки. Я бы сказал, что ему хватит на актёров российского масштаба. Тех, которые крутятся на большом экране. Но он выбрал Киру. Потому что на вечеринке кое-что произошло. Что-то, что может изменить ни хрена. Узнаешь всё позже.

А теперь поговорим о моих проблемах. У меня депрессия. Я хочу напиться. Я хочу девушку. В последнее время начал страдать по своей бывшей. Поэтому рассказ ненадолго вводит нас в сопливые будни подростков. Прости за испорченное чтение. Зачем я извиняюсь, собственно говоря. Тебе что, не было понятно, что в любой истории о подростках должны быть любовные страдания? Мы не понимаем друг друга? Тогда нам не о чем говорить. Переписываться. Или что мы там делаем.

Всё выглядит так, будто я решил вести свой дневник. Давай забьём на историю и просто зальём весь текст мемуарами. Идея-то хорошая. Только кому оно надо? Кто будет читать биографию подростка, не достигшего ничего?

Глава: 4.1

Посиделка вторая.

Мы у Киры. Пришли пару минут назад. Два толстяка, Марти, я. Толстый затерялся где-то в доме, вместе со своим возмущением от неотснятого эпизода.

Болтаясь туда-сюда, три девушки делают вид, что заняты важным делом. Они готовят грандиозный вечер. Они, типа, со стороны Киры – помогают ей уважить всех потенциальных гостей.

Сейчас мы сидим на угловой лавочке, смотрим на чуть потускневшее небо. Созерцаю только я, остальным вообще плевать. Они не ценят тех секунд, когда можно поймать мнимую паузу во временном потоке. Насладиться видом. Принять свою ничтожность на фоне вселенной. Постигнуть относительное величие перед муравьём.

Я говорю:

– Конечно, я её люблю.

У нас тут сугубо мужская компания. Поэтому мы заливаем в себя газировку, каждый раз, когда мимо проходит девушка.

Чтобы помолчать.

Вздрагивая от внезапно-резкого появления Киры, приклоняем внимание перед её обвинениями в лени. А также достаиваемся чести быть приглашенными для доброволь-

ной помощи в приготовлении... бутербродов, например.

Наверное.

На большее у меня просто не хватает фантазии. Я, как бы, категорически не понимаю, что ещё можно готовить для пьянки. Оказывается, внутри дома ещё и курица запекается в духовке, овощи нарезаются на дощечке, суши заказываются по телефону, картошка на шестом кругу ада по Данте.

Стоя посреди типичной для частного дома кухни, которая почти неотъемлемая часть безграничной гостиной, Марти излагает величайшую мудрость:

– Ой, да вы серьёзно, я сюда побухать пришёл. Завязывайте с этой хернёй. – Определив местоположение холодильника, он вырывает из него трёхлитровую бутылку пива, что мы принесли с собой, а затем гордо шагает наружу. После его ухода в комнате остаёмся мы и ещё пара одобрительных слов в свою сторону от Марти: – Вот это другое дело.

Повернувшись к толстяку, говорю:

– Я люблю её, но не моя вина, что мне нечего ей подарить. Просто у неё уже всё есть.

Открывая замаринованный не нами – купленный нами сегодня – шашлык, Кира штампует заплесневелый совет:

– Может просто стоит сделать что-то своими руками? Мы же не из-за денег вас любим.

Вокруг творится действительность предпраздничной суматошности. Все чем-то заняты: даже второй толстяк из двух, личность неоднозначная, умудряется выдирать отдель-

ные элементы блюд из рук поваров. Нехватка ножей отражается в постоянном кочевании единственного заточенного среди всех имеющихся на кухне.

– Очень мило, когда тебе дарят серебряную безделушку. Это значит, что ради тебя мальчик готов если не на всё, то на многое. Особенно, если у него совсем нет денег. – Она улыбается, а затем говорит: – Но самое главное – это поступки. Не будь вы готовы на серьёзные шаги, то и интереса к вам никакого не возникало бы. – Поставляя продукты из холодильника на стол, она заявляет: – Всё же очень просто – чем ты смелее, тем больше шансов у тебя стать богатым. – Делая вид, что она признаёт свою ошибку, она признаёт свою ошибку: – Никто не отрицает, что женщины хотят иметь рядом успешного мужчину, но ведь вы и сами не мечтаете о бедности. Так что, прежде чем обвинять нас в алчности, посмотрите на себя.

Голос Марти сообщает о прибытии пары имён, фигурирующих в нашем школьном журнале.

Выходя с тарелкой бутербродов на улицу, Кира взывает к явной риторичности своего вопроса:

– Ты бы полюбил девушку, которая никогда не бреет ноги?

Когда на заднем дворе частного дома собрано шестьдесят процентов выпускной параллели, и даже классы помладше выдвинули своих кандидатов, начинаются первые заправки. После пары слепленных эритроцитов и заезженной фразы «между первой и второй перерывчик небольшой» встаёт

один из толстяков, ну, тот, который юморист, и со всей присущей ему решительностью объявляет: между третьей и десятой перерыва нет вообще. Так мы вступаем в мир полемик, осуждения политики и хронометража.

Кто-то хочет опробовать на себе воздействие банных операций, поэтому один из толстяков – тот, что любит цитировать чужие тосты – решает подготовить процедурную вместе со вторым.

Посреди творящегося фарса, Марти выпускает свою новую знакомую в нашу проспиртованную среду. А точнее – сразу двух. Тех, что любят почернее. Парни в восторге: спать со своими одноклассницами – перспектива посредственная. Но тут совсем другое дело. Здесь девушка, которая ещё вчера пробовала себя в роли панельной шлюхи.

Стараюсь не отставать от общего течения и с головой ныряю в этот безумный мир. Из рта вылетают тупые шуточки, обратно влетает алкоголь. Чужие разговоры разрываются сарказмом, мои действия одобряются смехом. В колонках формируется рэпчик, затем клубное звучание, а потом даб-степ.

В 22:23 появляются первые дезертиры. В двенадцатом часу ночи кто-то осознаёт, что завтра в школу. Буквально тут же некто иной по характеру проникается полнотой происходящего, желая разжечь релятивно-крохотный бунтик в общей системе образования:

– Давайте прогуляем, да и всё!

Всех же не отчислят.

Идея отнюдь неплохая, и отказываться от неё было бы невежеством, поэтому я быстро встаю на сторону революционеров.

Из окна второго этажа выходит томный скулёж и раздражительный крик. Есть подозрения, что Марти занят обновлением своих половых отношений, и навряд ли в состоянии поддержать восстание в данный момент.

Спрашиваю толстяков:

– Вы же с нами?

Они всё ещё не ходили в баню, которую так старательно готовили для гостей, поэтому их голоса в нашей копилке.

Большинством решается, что мы должны прекратить затянувшееся веселье, поэтому большинство уходит, а те, кто собирался остаться – остаются. У нас тут сугубо личная, дружеская, семейная компания. Толстый, Марти, закончивший своё дело, его подружка – вторая ушла в одиночестве, – два толстяка, какой-то парень, который любит пускать пыль в глаза и хозяйка вечера с двумя её подругами. Плюс четыре человека массовки.

Стараюсь укрепить установленный с подругами Киры контакт. После пары тем окончательно убеждаюсь в их нормальности. Редко когда меня устраивают все эти невзрачные милашки, ошивающиеся около выдающихся выпендрёжниц, но здешние совсем не такие. Я бы даже назвал их отзывчивыми и добродушными – не то, что та лучшая подруга по

классу с плоским лицом.

Теперь, когда литры хмеля и солода поглощены залпом – на спор, кто быстрее, – сорокаградусные жидкости фасонно залиты несколькими стопками в одно рыло, а шашлык с прилипшими к нему углями раскрошил пару зубов, мы можем спокойно поговорить о глубоком значении первозданного.

Но для начала я информирую:

– Раз уж мы остаёмся ночевать, у нас тут складывается не самая удобная ситуация со спальными местами. Поэтому я сразу забиваю комнату Киры.

Толстый и Марти единственные, кто знает, что для меня это чревато последствиями, хотя дело уже давно забыто.

Марти всё-таки решает помочь:

– Плохая идея.

Я отвергаю протянутую руку, замкнутый в своей непоколебимости:

– Тебе показалось.

Что дурного может случиться, если два равнодушных друг к другу друга разделят равнодушно мягкую кровать? Да много всего. Но тут у всех свои планы на компанию. А я не собираюсь оставаться в одиночестве, особенно когда есть такая прекрасная возможность окунуться в ночное пустословие в обществе более-менее разумного человека. Не то чтобы я считаю Толстого плохим собеседником, но он невероятно наивен, и за всё время нашего знакомства ни разу не оповестил о существовании иной стороны своего характера.

Комната Киры на втором этаже, тут нет розовых обоев, но есть белые плюшевые зайцы, зелёные существа, непонятного происхождения, охряные медведи и куча всего другого – невероятно у-тью-тьюшного. Всё заставлено по последнему писку дизайнерского инструктажа. Судя по качеству изошрённой фантазии конструктора, писком не обошлось – крик, как минимум.

Сидя за компьютером, узнаю о равнодушии Киры к чтению издавна потускневших печатных блогов. Подмечаю, что автор интернет-дневника любит повыпендриться знанием французского, а затем начинается дерзкая нуднятина про любовь. Не то чтобы я против почитать про любовь, но, если есть возможность, лучше вообще с ней не связываться.

«Почему девушкам нравятся плюшевые медведи? Секрет в том, что форма большинства плюшевых медведей схожа с формой тела младенца, а именно: короткие ноги и руки, пухлый торс, большие глаза. А при виде младенца у женщины в крови повышается уровень гормона Прогестерон – гормона родительского инстинкта, инстинкта нянчить.» – Спасибо, Википедия, теперь я знаю с кем точно не стоит связываться вплоть до возникновения желания ценить по ночам вопль в диапазоне от двух до четырёх килогерц.

Со всеми девушками.

Кое-кто прибывает в высшей степени возмущения от лицемерия оккупации своего ноутбука.

Раскинув руки настолько узко, насколько возможно, я го-

ворю:

– Ну, бывает.

Вылетая из-за стола, поддерживаю её стремление к чтению:

– Очень интересный блог.

Она в ужасе от услышанного:

– Ты что, читал?!

Чтобы не оплошать в начатой лести, приходится признать тот факт, что я не дотянул до конца.

– Но начало отличное.

Она советует больше так не делать. Затем рекомендует поспать на полу.

Весь дом раздражается новой порцией стонов.

Не то чтобы я извращенец, но всё равно пытаюсь представить себя на месте этой девушки. Как бы я вёл себя в подобной ситуации, будь я девушкой. Естественно. Кем же ещё? Было бы мне стыдно за нарушения покоя остальных?

Нет.

Когда я мысленно на её месте, можно осознать всю полноту её ответной реакции на воздействие окружающей среды.

На воздействие члена.

Если появляется желание безосновательно обвинить человека, стараюсь прикинуть – не согрешил бы я тем же, будь у меня возможность. Принцип работает просто – обвинять можно только в том, в чём сам преуспел исправиться.

Не снимая верхней одежды, падаю на запроваленную кро-

вать.

Раздаётся крик негодования.

Пытаюсь извиниться за наглость. Стараюсь вымолить прощение за провонявшую костром одежду. Допускаю правоту каждого сказанного ею предложения. Оптимизирую восприятие ситуации под выводы ругающейся.

Принимаю всё, что должен отвергать.

Я как парень, который настолько сильно любит свою девушку, что готов терпеть каждое её обвинение.

Подкаблучник.

Кира уходит, возвращается, снова удаляется, и...

За время её отлучки успеваю поваляться на диване первого этажа, вместе с двумя прекрасными собеседницами. А также помогаю Толстому перебраться к ним. Он не противится, потому с чувством выполненного долга возвращаюсь в всё ещё пустую комнату.

... и спустя пятьдесят минут императивно выдирает меня из сна, чтобы забрать вторую половину одеяла. В данной комнате процветает феминизм, поэтому для меня покрывала как бы и не нашлось в принципе.

После предвиденной беседы – парочки старых воспоминаний, троечке глупых шуточек – лёжа в ночной тишине, вальяжно приближаясь к линии старта второго круга сна, она вдруг спрашивает:

– Что будет, если кто-то из нас двоих полюбит второго?

4.2

Я бы рассказал ей что, мать твою, произойдёт...

Приготовься к самым отвратным воспоминаниям, – говорю я себе, и начинаю вспоминать.

...Случится 24 марта 2010 года. Когда, в пятнадцать лет, посмотрев на стрелки наручных часов (20:23), я позвонил в дверь её старой квартиры.

Сегодня они лелеют свою независимость, владея собственной землёй в пределах границ города. Но как будто ещё только вчера вся их семья раскладывала вещи по коробкам, замирая в прощальной тоске прямо посреди комнаты.

Я стоял на пороге новой – счастливой или же прямо противоположной – жизни: девятый этаж, давление выше нормы, пульс – 89 ударов в минуту, при силе толчков равной 9,5 баллов по шкале Рихтера. То ли от того, что лифт не работает, то ли из-за предстоящего.

Она открыла дверь.

Казалось, её удивительная улыбка будто озаряет тусклые очертания подъезда. Затхлый от выкуренных сигарет воздух словно тут же захлестнула свежесть лесной чащи. Столь же тёплые, сколь и нежные руки обвили шею, голова легла на плечо, а губы раскрылись, чтобы сказать то, что чуть не заставило сердце вырваться наружу.

– Как же я рада, что ты здесь.

Никогда ранее я не принимал во внимание возможность полюбить настолько старого друга.

Нам довелось познакомиться в четырёхлетнем возрасте. Память поможет нарисовать картину тринадцатилетней давности: там невзрачный мальчишка, оставленный с сестрой в холе одной из детсадовских групп, стоит, теребя любимую синюю футболочку. Это его первый день в новом садике. Он – ребёнок, чьё детство потеряно в постоянных криках родителей, а затем и вовсе похоронено в одной могиле с их разводом.

Такие хрупкие и такие смазливые братик и сестрёнка, которые сейчас находятся в десятке лет от нас, вынуждены испытывать неприятное чувство одиночества уже на протяжении очень долгого для них времени. Расположившись подале друг от друга, они явно не намерены возобновлять общение, которое так легко уничтожили. Этот раз не первый и уж точно не станет последним. Впредь до того дня, пока образумившийся брат не осознает значение истинных ценностей жизни. Пока, зайдя в её комнату со своим чересчур личным и искренне чувственным признанием, не скажет, что всегда любил её и будет любить, несмотря ни на что. И пока не извиниться за каждую глупую шутку, которая была и – посмеявшись почти что через слёзы он добавит: – будет.

А сейчас они не разговаривают друг с другом. Потому что слишком глупы. Ведь это просто дети – ещё даже не могут назвать себя людьми. Государство уже узаконило их разум-

ность, но у них её нет. Они никогда не задумывались о смысле жизни, не имели выбора, не знали тех чувств, что уничтожают мир.

Стоя порознь, мы, с присущей нам детской бестолковостью, старались не воспринимать существование второго в комнате. Продолжаться это могло до бесконечности. Нас спасла воля случая. А точнее – воля обычной девочки. Войдя в комнату раньше всех остальных, без всяких стеснений она вдруг начала расспрашивать меня и сестру обо всём, что только могло заинтересовать ребёнка тех лет, впервые увидевшего чужаков на знакомой территории. Уже к концу её допроса комната наполнилась вопящими цветами жизни, которые пытались разделить между собой сферы влияния игрушками – никого не прельщали потрёпанные модельки машинок, когда была возможность стать обладателем пластмассового тираннозавра.

В последующем эта жизнерадостная девчушка, так умело – даже сама того не понимая – помилившая нас сестрой, стала мне лучшим другом и безупречным проводником в мир раскрепощения.

Впервые в жизни у меня появилась своя уютная компания – я, Кира, её подруга, мой лучший друг со стороны не противоположного пола, а также его верный друг, частенько любивший пачкать штаны. Во время сон часа наша маленькая семейка почти никогда не спала – не нарушая границ своих коек, мы утопали в веселье и шутках, которые совсем не бы-

ли похожи на шутки современных мальцов. А на летних прогулках мы всегда помогали друг другу в столь сложных занятиях, как раскачивание качелей или же постройка песчаного замка после дождя. Мы с гордостью пронесли наш союз через треть прожитой жизни, а затем настало время открыть новые ворота. Впереди ждала школа.

Кто знает, что так кардинально поменяло тёплые отношения с Кирой на нечто совсем противоположное. Возможно, основной причиной тому послужило уничтожение привычного облика нашего замкнутого круга – из пятерых остались лишь я и она. Все остальные просто исчезли, так, будто бы никогда и не существовали.

В промежутке от первого до четвёртого класса мы с ней стали пустым местом друг для друга. У каждого возникли свои проблемы с установлением связей на том или ином уровне классной иерархии.

Годами позже, словно очнувшись после глубокого сна, мне пришло напоминание о тех прекрасных годах, оставшихся за бортом шестилетия. Иногда мы даже пытались восстановить то, что было утрачено, при помощи организации совместных планов на послеурочное время: чаще всего – играя классом в снежки, с последующими проводами до дома уже без класса.

Но никогда больше мы теперь не были настоящими: я, узнав о существовании Марти, с головой нырнул в безответственность, наглость и даже грубость. Она же превратилась

в умелого кукловода, ловко вертящего младшей половиной школы, постепенно вживаясь в роль человека высшего общества. Начался переходный возраст – совсем не осталось времени на какие-то глупые разговоры о прошлом, и уж точно никто не собирался отстраивать древние, засыпанные пылью отношения.

Впредь до пятнадцати лет понятие «дружба» лавировало где-то между притворством и настоящей любовью – которую брат проявляет к сестре, или же наоборот, в более позднем возрасте, – изредка обнаруживаясь в мимолётных разговорах по душам. До того момента, пока я не влюбился в неё по-настоящему.

Резкий скачок в мировоззрении не прошёл мимо фундаментального желания вернуть всё назад. Такое явление совсем не редкость для любого из нас – мы всегда хотим обернуть время вспять или же, напротив, убегая от прошлого, строим планы на великолепное будущее; но никто, никогда не замечает настоящего. И в тот момент, стоя посреди заваленной хламом прихожей я увидел его – увидел настоящее, которое сложно ощутить и почти невозможно постичь. Я понял почему никто не хочет жить сейчас: просто нет времени, чтобы осознать происходящее. Всё, что мы имеем на данный момент – глупые эмоциональные порывы и никакой объективной оценки реальности. Совсем не хватает сил на последовательные суждения – ты либо рад, либо нет. Но за четыре года отвращение с лёгкостью взмаха женской кисти может

превратиться в изумительное воспоминание о лучшем дне твоей жизни.

Освежая в памяти путь, который преодолела наша связь, я дрожащими руками стягивал ботинки и передавал куртку Кире, чтобы она нашла более-менее подходящее для неё место. Она сказала, что устала от сборов, а я хотел сообщить, что устал мучаться от тяжкого чувства неразделённой любви.

Мы прошли на кухню. Её невероятно ласковый голос обходительно осведомился о желании насладиться чаем; между тем я никак не мог собраться с силами, чтобы поделиться тайной, из-за которой страдал буквально каждый день последнего месяца. У неё был парень, была куча поклонников, а я – всего лишь воспоминание, с которым иногда можно неплохо провести время на прогулке.

Поставив кружки на стол, она под села рядом. Я никак не мог оторваться от её замечательной улыбки, её изумительного личика, утратившего в ту секунду всякий изъян.

– Эй, ну ты чего? – Вдруг сказала она, не упуская своей жизнерадостности.

Положив свою ладонь на её руку, я оказался на краю тонкого лезвия, исход путешествия по которому зависел не от меня. Лёгкие точно залились свинцом, в горле не было кома – его разъедали подступающие признания. И тут из неоткуда явилось наваждение о том, что нет никаких шансов. Вся моя смелость и дерзость уже давно лежали в руинах испытываемых чувств. Поэтому я предположил, что не стоит разрушать

её отношения, не нужно ворошить какие-то детские, ничем не похожие на подростковые, чувства – я струсил так, как не струсил никогда.

Отглотнув немного чаю, у меня с трудом получилось выдать наиглупейшее:

– Прости, что-то мне нездоровится.

А затем вполне предсказуемо я двинулся прочь.

На следующий день мною была выдумана легенда о внезапно заболевшем животе. Уже примерно через пару месяцев все более-менее тяжёлые эмоции оказались подавлены перспективой стать знаменитым.

И вот сейчас, лёжа с ней в одной кровати, я со скоростью черепахи, с тяжестью апломбистого идиота признаю свою тупость. Понимаю, что в это событие заложена только моя вина и ничья больше. Не ляг я с ней буквально сразу же после её расставания, возможно всего этого бы и не было. Но теперь я возрождаю эти неприятные воспоминания и все самые страшные кошмары своей жизни.

Ощувив на себе слабый укол прошлого, я говорю:

– Дай поспать.

Глава: 5.1

Крик номер один.

Даша кричит от восторга. Третий подход окончен. Последний оргазм достигнут.

После душа мне нужно выпить чаю.

Вместо сигарет использую его.

Не то чтобы я что-то понимаю в хороших травяных заварках, но мне и обычного пакетированного хватает.

Квартира просторна – студия, не зажимающая себя в рамках давящих на пространство стен. Большая кровать в гостинном отделе, маленькая перегородка-стол на кухне. Балконные окна новомодной высоты выходят на посредственный вид.

Даша живёт одна уже чёрт знает сколько. Родители давно осели в Китае, ещё когда ей стукнуло лет пятнадцать. Тридцать тысяч в месяц, пару разговоров по видеосвязи, и ответственность ссыпается с их плеч на месяц, создавая на полу сугроб хренового воспитания. Затем всё повторяется раза три, после чего они приезжают, осуждают её умение усваивать материал, машут указательным пальцем, средним намекают на прекращение спонсорства, спят, рыдают при расставании, выплачивают пятьдесят тысяч премии и быстро убегают на самолёт.

Сама она никуда не собирается, так как здесь у неё я, дру-

зья и карьера в модельном бизнесе.

Вся в меня пошла.

Десятый класс, а уже карьера.

В связи с тем, что родившие её люди крайне удовлетворены предательством родины, они продают свою трёхкомнатную квартиру и приобретают однокомнатную в том же доме. Поэтому треть своей жизни я оставляю тут, но до сих пор продолжаю тусоваться у Толстого, потому что не по-мужски это – бросать друга ради бабы.

С Толстым мы в контакте с первого класса. Со второго начинают вспыхивать конфликты. До шестого находимся в состоянии аморфной дружбы – полгода враги, полгода друзья. В конце концов осознаём, что товарища лучше у нас никогда не было. В завершении всего с успехом минуем противоречивый этап отношений и становимся лучшими друзьями.

Ну, почти.

Потому нельзя просто взять и бросить его. Любое проявления предательства в сторону друга – будь то простейшее непринятие приглашения на прогулку – вызывает у меня отращивание к самому себе.

Ненавижу ненавидеть себя.

Сегодня шесть месяцев как мы знакомы с Дашей. Отсчитываем дни от первой встречи, ведь я до сих пор не предложил ей встречаться.

Она узнаёт об этом только сегодня.

Формально мы застопорились на третьем свидании – по-

сле третьего я сразу предложил устроить четвёртое уже на следующий день, но мы устроили секс. Я не считаю те походы в кино, парк, загород, кафе, другой город, за свидания, так как при их осуществлении такого слова не упоминалось, поэтому – просто дружеские прогулки.

Какое-то неопределённое время назад, где-то в пределах часа, я звоню в дверной звонок.

Она открывает как ни в чём не бывало.

Всучиваю ей букет. Целую в щёчку. Прошу поставить цветы в вазу. Быстро хватаю гитару, что осталась в подъезде. Присаживаюсь на пуфик в прихожей.

Она возвращается как ни в чём не бывало.

По выражению её глаз можно пророчить беспомыслие. Я думаю: «ну и кто тут ещё всё забывает».

Начинаю играть.

Начинаю петь. Присаживаюсь при переходе с грудного звука на головной. Немного поверхностного драйва в припеве. Больше компрессии на чувственных моментах. Финальный проигрыш.

Заканчиваю играть.

Говорю, что люблю её. Она почти плачет, будто я делаю предложение руки и сердца.

Затем она плачет не почти.

Её эмоциональность – моя слабость. В такие моменты она занимает слишком много места где-то там внутри. Всё потому что в остальное время она феноменально жесткая и про-

бивная. Не со мной, конечно.

За такой блат люди и любят.

Проблема в том, что у неё нет привычки отвечать взаимностью. Она ведь не зеркало, чтобы повторять за мной каждый раз, когда слышит очередное признание в любви. И плевать, что я поступаю куда хуже – признаюсь, не определившись с реальными чувствами.

Ровно полгода назад мы с Марти приходим в школу раньше положенного. До этого нам в головы закрадывается глупое намерение начать бегать по утрам. При температуре в минус пятнадцать по Цельсию. Поэтому, после пяти кругов по школьному полю, мы откладываем это дело до лучших времён.

Так что в итоге просто сидим там, где переобуваются начальные классы, пятиклассники, шестиклассники. Широкое течение разношерстных школьников, словно песчинки в песочных часах, сочится через узкий пункт турникетного пропуска, на выходе превращаясь в абсолютно тождественную входящему потоку массу бесполезного ничего.

Два толстяка дефилируют двадцать пятым кадром. Лёгкой поступью Кира минует объятия. И ещё восемьдесят процентов наших знакомых не имеют никакой бдительности. Единственный, кто первым обращает внимание на двух бугаёв в гибридной куче «малышня-родители» – парень, любящий пошло пошутить.

Он здоровается с нами. А затем пошло шутит.

В процессе обогащения свежей информацией замечаю неожиданный всплеск выразительного диссонанса в районе входной двери. Отодвигая стоящего перед нами человека, пытаюсь определить уровень привлекательности владелицы шикарных кровавых локонов. Выглядывая с другой стороны, потому что не успел ничего увидеть в первый раз, снова не вижу ничего, кроме её очаровательно красных волос, чарующих своим объёмом. Острые на концах пряди слепившись падают до ремня на талии, водопадом заволакивая спину.

Смотря на пошлого шутника, говорю ему:

– Не хочу показаться тобой, но я сейчас чуть не кончил.

Не отрывая глаз от красноволосой девушки, проходящей через турникет, делюсь впечатлениями:

– Похоже, я влюбился. И даже не знаю, как она выглядит.

Поворачиваясь к Марти, окончательно резюмирую:

– Да и плевать! Ты это видел?

Стараюсь растолковать максимально эмоционально:

– За такие волосы можно и жизнь отдать!

Болтающий с нами парень говорит:

– Ты про неё? Да это Дашка. Шикарная просто – тут уж не поспоришь. В моём классе учится.

Я говорю:

– Каков прогноз вероятности начать с ней встречаться?

Её одноклассник информирует:

– Где-то в минусе. Характер у неё сильный.

Трудный.

Неподъёмный.

Это что-то новенькое:

– Раньше я бы даже не подумал о том, чтобы подойти к ней.

А сейчас что?

– А сейчас я самодовольный козёл, критикующий всех подряд. Мне нужно как можно больше достоинств, владея которыми я смогу винить остальных за неимением у них таковых.

Пытаюсь объяснить публике, что если она действительно красива, и если я смогу заговорить с ней, то можно будет снимать новый эпизод о том, какие нынче трусливые в отношении девушек парни.

А пока что я и сам не лучше.

Через пару уроков набираюсь решимости. За это время Марти успеваает провести тур подколов, проехавшись по всем моим неудачным попыткам завязать роман с образчиком противоположного пола.

И даже по почти удачным.

Встречая её у выхода из класса, стараюсь избегать лишних телодвижений, действуя только словарным запасом. Осведомляюсь о ходе её дел. Начинаю вести себя глупо и несдержанно.

Осознаю ошибку сразу, как только она готовится отступить.

Прошу прощения. Подкрепляю извинения подарком –

цветком, слепленным Кирой из бумаги, на заказ. Её голова немного смещает отрицательный угол наклона вправо.

Она удивлена. Она улыбается. Она смущена.

Это победа.

Выражая свою озабоченность тем, что я не её парень, предлагаю проводить до дома. У неё нет ответа, у меня якобы нет времени, поэтому делаю вид, что мы договорились, а затем быстро ретируюсь вниз по лестничному проходу.

После блестящего сопровождения, отличного разговора, отсутствующего молчания наступает время пренебрежения к уделяемому ей вниманию.

Главное – не переборщить.

Один школьный день – максимум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.